

Шекспир Уильям

Буря

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
У36

У36 **Уильям Ш.**
Буря / Шекспир Уильям – М.: Книга по Требованию, 2023. – 101 с.

ISBN 978-5-521-30910-8

ISBN 978-5-521-30910-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Алонзо, король неаполитанский.

Себастиан, брат Алонзо.

Просперо, законный герцог миланский.

Антонио, брат Просперо, похититель миланского престола.

Фердинанд, сын Алонзо.

Гонзало, старый и честный неаполитанский советник.

Адриан }
Франциск } неаполитанские синьоры.

Тринкуло, шут.

Стефано, пьяница-ключник.

Калибан, уродливый невольник-дикарь.

Капитан корабля, боцман и матросы.

Миранда, дочь Просперо.

Ариэль, дух воздуха.

Ириса }
Церера }
Юнона } духи.
Нимфы }
Жницы }

Другие духи, подвластные Просперо.

Действие происходит сначала на море, на корабле,
а потом на необитаемом острове.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

МОРЕ, КОРАБЛЬ.

Буря с громом и молнией.

Входят капитан корабля и боцман с разных сторон.

Капитан. Боцман!

Боцман. Здесь, капитан. Что надо?

Капитан. Хорошо! Покрикивай-ка на матросов. Работайте живей, не то сядем на мель! Поворачивайтесь, поворачивайтесь!

(Уходит).

Входят матросы.

Боцман. Эй, детки! смелей, смелей, мои милые! Живо, живо! Подберите-ка марс-зейль! Слушать капитанский свисток! Ну, теперь дуй-себе, пока не лопнешь.

Входят Алонзо, Себастиан, Антонио, Фердинанд, Гонзало и другие.

Алонзо. Постарайся, любезный боцман! Где капитан? Докажите, что вы молодцы!

Боцман. Прошу вас теперь оставаться внизу.

Антонио. Боцман, где капитан?

Боцман. Разве не слышите—где? Вы мешаете нам! Сидите в своих каютах: здесь вы только помогаете буре.

Гонзало. Полно, любезный, успокойся.

Боцман. Когда море успокоится. Ступайте! Какое дело этим ревунам до имени короля? Ступайте в каюты, молчите и не мешайте нам.

Гонзало. Хорошо; но не забывай, однако, кто на твоем корабле.

Боцман. Да уж верно здесь нет никого, кого бы я любил более самого себя. Вы—советник: если можете повелевать стихиями и усмирить их сию же минуту, так распоряжайтесь—и мы не дотронемся ни до одного каната; а не можете, так благодарите небо за то, что так долго прожили и приготовьтесь в своей каюте к последнему часу, если нам не суждено миновать его. *(К матросам)*. Смелей, мои милые! *(К Гонзало и прочим)*. Убирайтесь же, говорю я вам *(Уходит)*.

Гонзало. Этот малый поддерживает сильно мою надежду. Мне кажется, что ему не суждено утонуть! он гораздо более похож на человека, которого ожидает виселица. О, благодетельная судьба, сохрани его для виселицы! Сделай предназначенную ему веревку нашим якорным канатом, так как на собственный—плохая надежда. Плохо нам, если этот молодец не рожден для виселицы! *(Алонзо, Гонзало и прочие уходят)*.

Боцман *(возвращается)*. Отпускай брамстенюгу! живо! ниже, ниже! Пусти на фок-зейль! *(Слышен крик внутри корабля)*. Чтоб чума переморила этих визгунов! Из-за них не слышно ни бури, ни команды.

Входят Себастиан, Антонио и Гонзало.

Боцман. Опять? Что вам здесь надо? Или нам бросить все и утонуть? Разве вам хочется итти ко дну?

Себастиан. Чтоб оспа перехватила тебе глотку, несносный крикун, богохульник, бесжалостная собака!

Боцман. Так распоряжайтесь сами.

Антонио. Повесить бы тебя, негодную собаку! Повесить бы тебя, дерзкого крикуна! Мы меньше тебя боимся потонуть.

Гонзало. Я ручаюсь, что он не потонет, хотя бы корабль этот был не тверже ореховой скорлупы и так же ненасытен, как развратная женщина.

Боцман. Подведите корабль как можно ближе под ветер! Отдай оба паруса—и опять в море! Отваливай!

Вбегают изможденные матросы.

Матросы. К молитве, к молитве скорей! все погибло!

(Уходят).

Боцман. К молитве? Уже ли пришлось нам погибнуть?

Гонзало. Король на молитве и принц на молитве.

Пойдемте: судьба их должна быть и нашей.

Себастиан. Терпенье все я потерял!

Антонио. Как быть!

По милости мы пьяниц погибаем.

Горластый враль, взглянул бы на тебя,

Промытого порядком десятью

Приливами!

Гонзало. Нет, он повешен будет—

Я убежден; хотя бы мне клялись

Все капельки в проливном—не поверю
Хоть все они, чтоб поглотить его,
Разинут пасть—он ускользнет, я знаю.

Разные голоса (*внутри корабля*). Боже, помилуй! Погибаем! погибаем! Прощай, жена! прощайте, дети! прощай, брат! Погибаем! погибаем! погибаем! Антонио. Пойдемте все погибнуть с королем! Себастиан. Пойдемте все проститься с ним навеки.

(*Уходят*).

Гонзало. Как бы охотно я дал теперь тысячу миль моря за один клочок бесплодной земли, покрытой тростником, терном или чем угодно. Но, да совершится воля неба! А все лучше бы умереть на суше! (*Уходит*).

СЦЕНА II.

Часть острова с пещерою Просперо.

Входят Просперо и Миранда.

Миранда. Родитель мой, когда своим искусством
Заставил ты так волны бушевать,
То утиши их. Кажется, что небо
Дожило бы на землю с высоты
Пылающей и смрадною смолою,
Когда б валы, вздымаясь до небес,
Огонь небес собой не утушали.
Страдала я, взирая на страданья
Несчастных. Как! прекраснейший корабль,
С пловцами благородными на нем,
Изломан в щепы! Вопль их отозвался
В моей душе. Бедняжки—все погибли!

О, если б я была могучим богом,
Низринула б я в бездну это море
Но поглотить, как нынче, не дала бы
Я нагруженный душами корабль.

Просперо. Покойна будь, оставь напрасный страх
И своему чувствительному сердцу
Скажи, что все остались невредимы.

Миранда. О, горький день!

Просперо. Беды не приключилось.
Я эту бурю поднял для тебя,
Мое дитя, единственная дочь.
Не знаешь ты, кто ты, откуда сам я.
Ты думаешь, что бедный твой отец
Властитель лишь пещеры этой бедной?

Миранда. Мне никогда желанье больше знать
Не кралось в мысль.

Просперо. Теперь настало время
И ты должна знать более. Дай руку
И помоги мне снять волшебный плащ.

(Снимает плащ).

Покойся здесь, ты, символ чар моих,
Утешься, дочь, утри остаток слез!
То зрелище, которым состраданье
В твоей душе так сильно потряслось,
Я произвел могуществом искусства
С намереньем, но так, что ни один
Из всех людей, из всех живых творений,
Которых вопль ты слышала вдали,
Которых ты погибшими считала,
Ни волоса с главы не потерял.
Садись—узнать о многом ты должна.

Миранда. Ты начинал мне часто говорить
О том, кто я; но каждый раз вначале
Ты свой рассказ внезапно прерывал

И оставлял меня соображеньям,
Кончая так: *не время—подождем.*

Просперо. Так; но теперь настало это время,
Настал тот час, в который ты должна
Услышать все. Вниманье—повинуйся!
Припомнишь ли ты время перед тем,
Как мы в пещере этой поселились?
Не думаю: не более трех лет
Имела ты.

Миранда. Нет, помню, мой родитель,
Немногое.

Просперо. Скажи ж, что помнишь ты?
Другой ли дом, или лицо другое?
Скажи мне все, что память сберегла.

Миранда. Все так темно. Теперь припоминаю
Об этом я, как-будто обо сне.
Мне помнится, что я всегда имела
Вокруг себя не менее пяти
Прислужниц.

Просперо. Да, ты их имела больше.
Как память ты об этом сохранила?
Ну, что еще ты видишь в темноте
И в глубине времен, давно минувших?
Ты, может быть, припомнишь и о том,
Как мы с тобой сюда переселились?

Миранда. Нет, этого не помню я, отец.

Просперо. Двенадцать лет тому, моя Миранда,
Двенадцать лет тому, как твой отец
Был герцогом Милана и могучим
Властителем.

Миранда. Так ты мне не отец?

Просперо. Нет, мать твоя, живая добродетель,
Сказала мне, что я был твой отец;
А твой отец был герцогом Милана;

А ты его единственная дочь,
Наследница...

Миранда. Какое же несчастье,
Над нами так жестоко подшутив,
Нас бросило на этот голый остров?
Иль счастье нас перенесло сюда?

Просперо. Несчастье и вместе счастье было.
Дитя мое, права ты! Надо мной
Несчастье жестоко подшутило;
Но, к счастью, мы прибыли сюда.

Миранда. Сочится кровью сердце оттого,
Что я тебе напомнила печали,
Мной позабытые. Но продолжай.

Просперо. Антонио, твой дядя, а мой брат...
Но слушай же, прошу, со всем вниманьем!—
Бывает ли когда коварный брат?—
Я по тебе всего сильнее в мире
Его любил. Ему я поручил
Все герцогство во власть и управление.
Оно сильнее всех владений было!
Из герцогов же первым был Просперо.
Он не имел соперников нигде
В своей любви к свободному искусству.
Всего себя наукам посвятив,
Я передал правление государством
Антонию, а сам остался чужд
Его делам. Сам в тайные науки
Я был тогда всем сердцем погружен.
Коварный брат! Но слушай же, Миранда!

Миранда. Внимательно я слушаю тебя,
Просперо. Изведав все пружины управления,
Стал милости с расчетом раздавать—
И понял он, кого возвысить должно,
Или кого низвергнуть с высоты
За то, что он возвысился. Ну, словом,

Пересоздал всех верных мне людей:
Хочу сказать, что всех моих придворных
Он изменил иль вновь образовал.
Так, овладев вполне ключом державным
От высших мест и от сердец людей,
Он все сердца настроил по желанью,
И скоро сам—все крепче, все сильнее—
Обвил, как плющ, властительное древо
И высосал сок зелени моей.
Прошу тебя—вниманье! Ты не слышишь?

Миранда. О, мой отец, я слушаю тебя!

Просперо. А я, забыв все выгоды мирские,
Я в тишине хотел обогатить
Мой жадный ум таинственной наукой,
Которая, не будь для пониманья
Всеобщего так недоступной,
Стояла бы, конечно, выше всех.
И быстро рос в моем коварном брате
Враждебный дух; доверчивость моя
Коварство в нем столь сильно развила,
Сколь сильную имел в него я веру.
Действительно, без меры, без границ
К нему питал я и любовь и веру.
Он овладел доходами и всем,
Что в праве был я требовать, как герцог,
И до того он правду затемнил
В своем уме, что, наконец, поверил,
Как истине, своей бесстыдной лжи;
Уверился, что, пользуясь правами
Властителя и исполняя все
Наружные обряды управленья,
Он герцог сам—и властолюбья дух
Питался в нем безумным убежденьем.
Ты слышишь ли?